

В. В. Миронов

Жизнь как поступок

Творческая биография Александра Александровича Зиновьева тесно связана с Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова. В 1936 г. он пришел студентом на наш философский факультет, здесь по завершении аспирантуры защитил свою знаменитую кандидатскую диссертацию, ставшую вехой в истории отечественной философии новейшего времени. Он заведовал кафедрой и долгое время преподавал на кафедре логики. Наконец, по возвращении последние семь лет жизни он работал профессором кафедры этики.

Александр Александрович был не просто профессором в формальном смысле слова. Его жизнь — яркий пример того, что мы называем философией поступка. Философия — это не только теоретическое, но и глубоко личностное образование, разновидность личностной деятельности. Поэтому по поступкам, осуществляемым философом, мы можем реконструировать философские взгляды мыслителя, может быть, даже более адекватно, чем если бы это были лишь только теоретические рассуждения.

Его жизнь является прекрасной иллюстрацией философского понимания проблемы времени, которое несводимо к системе физических характеристик, но имеет также и личностные характеристики, личностное измерение. Будучи в физическом смысле некой длительностью, не зависящей от наших личных физических параметров, оно тем не менее управляемо личностью человека, который может значительно менять субъективное восприятие длительности как самим собой, так и другими людьми.

Это наглядно видно по жизни выдающихся людей, которая не просто складывается из некой совокупности событий, но конструируется ими. Действительно, описывая время физическими характеристиками, мы лишь складываем секунды в минуты, минуты в часы, часы в сутки, а сутки в годы, получая в результате искомые годы жизни конкретного человека. Но когда мы начинаем все эти характеристики наполнять событиями, например, жизни Александра Александровича — а ведь именно события, а не физические характеристики переживает человек — то перед нами раскрывается иное время, время событийное, которое далеко превосходит количество обычных прожитых лет. Перед нами раскрывается своеобразная личностная бесконечность, некий собственный внутренний космос событий, который не может быть уместен в обычные пространственно-временные характеристики.

Не случайно про таких людей мы можем сказать, что в их жизнь уместилось множество жизней как совокупности огромного числа событий. В этом смысле человек становится демиургом своей жизни, и никто не может помешать ее конструировать согласно некоторому внутреннему плану. Как писал Зиновьев, «если ты бессилён изменить реально общество в соответствии со своими идеалами, изменись сам ... построй в себе самом это идеальное общество, создай из самого себя идеального человека, как ты его себе представляешь... Я мог создать свое государство в границах возможностей, имевшихся в моем распоряжении».

Действительно, жизнь Александра Александровича — это своеобразный внутренний Космос, микрокосм, как говорили в Средние века, который он последовательно выстраивал сам для себя, невзирая на внешние преграды и препятствия, так же, как и на соблазны.

В этой жизни было все. Это и 1939 г., время не самой комфортной жизни для большинства людей в нашей стране, когда чувство страха заставляло людей замыкаться в себя ради собственного спасения.

Факты его биографии, как я уже говорил в одном из интервью после его смерти, могут составить сценарий для захватывающего триллера. Выйдя из простой рабоче-крестьянской семьи, он поступает в легендарный МИФЛИ. Впереди возможности блестящей карьеры, но в стаде бегать не хочется. За антисталинские выступления он исключается из МИФЛИ, из комсомола и арестовывается. Далее еще круче. Он осуществляет побег, уходит служить в армию, служит до 1946 г., закончив войну в чине капитана штурмовой авиации, пройдя путь от сержанта до офицера, имеет ряд боевых наград. И все это время над ним висит тень КГБ.

Казалось бы, жизнь его уже научила и предоставила еще один шанс стать стандартным человеком, вписавшись в принятые стереотипы поведения, более того — занимать здесь высокое статусное место. Но внутренний мир Зиновьева не хотел мириться с реалиями внешнего мира. В 1945 г. он пишет сатирическое стихотворение «Тост» по поводу речи Сталина в 1945 г., в котором говорит о противоречивости и долготерпении русского народа, прежде всего к своим правителям. Там есть такие завершающие строки:

Он усы утер.
 Никакая вина
 Не мрачила
 Его
 Лица.
 Ликованием вмиг
 Переполнился зал...
 А истерзанный
 русский народ,
 Умиления слезы
 с восторгом глотал,
 Все грехи Ему
 Отпустив
 вперед.

Гениальность поэта заключается не просто в нахождении рифм событиям. Это несложная задача. Необходимо, оттолкнувшись от ситуативного, найти типическое, характерное для более широкого класса явлений. Думаю, что приведенные строки полностью отвечают этим критериям, характеризуя не только прошлое русского народа и не только его настоящее, но, по-видимому, и будущее как некую судьбу России, менталитет русских людей, связанный с умилением и восторгом перед властью, перед сильной властью.

Эти строки очень актуальны и сегодня, а уж в 1945 г. за такое стихотворение можно было быть не только арестованным, но и расстрелянным.

С 1946 по 1954 г. — Зиновьев студент и аспирант философского факультета МГУ.

С 1955 по 1976 г. — сотрудник Института философии, профессор МГУ и заведующий кафедрой логики.

В это время он чрезвычайно много публикуется и становится известным логиком не только в стране, но и за рубежом. Я просмотрел журналы «Вопросы философии» за все эти годы, Зиновьев

вьев там был одним из самых постоянных авторов. Он настоящий учитель, у которого масса учеников. Согласитесь, приличная академическая карьера, создание собственной научной школы, блестящие перспективы. Имя Зиновьева называется в ряду крупнейших логиков мира.

Однако Зиновьев продолжает конструировать собственный внутренний мир, который вновь и вновь вступает в противоречие с миром внешним. В 1976 г. на Западе публикуются его «Зияющие высоты». Зиновьева увольняют со всех постов, лишают всех наград, степеней и званий. В 1978 г. его лишают советского гражданства и изгоняют из страны, даже квартиру отбирают. Думаю, что не было ни одного человека в моем поколении, который не читал бы этот роман или не слушал его чтение по западным радиостанциям. Надо сказать, что даже это было опасно. Я в одной из бесед рассказывал Александру Александровичу пример из нашей факультетской жизни, когда мы вместе с В. А. Бочаровым спасали студента за конспектирование «Зияющих высот» по «вражеским», как тогда выражались, голосам.

Его судьба на Западе складывается непросто. С одной стороны, всеобщее признание литературных и научных заслуг, награждение самыми престижными премиями, избрание в целый ряд академий и научных обществ. Но вновь внутренний мир оказывается в противоречии с внешними обстоятельствами. Он вспоминал в беседах, какое огромное количество людей пришло на его первую лекцию, ожидая услышать критику Советского Союза, а он неожиданно для всех начал говорить о проблемах логики.

Он оказался слишком самобытным и не вписывающимся в стереотипы западного образа мышления и диссидентского сознания, которое также выстраивалось в некую фиксированную систему необходимых признаний и отрицаний. Он не стал, как это сделали многие диссиденты того времени, безудержно восхвалять западную демократию, а напротив, критиковал ее. Он не выливает помой на свою Родину, что могло бы принести ему, наверное, массу благ, а напротив, говорит о тех непреходящих ценностях и приобретениях, которые были достигнуты в стране в советский период.

Это было неожиданно для многих, ибо искренность рассуждений человека в условиях, когда власть данной страны обошлась с ним так жестоко, становилась непререкаемой и подлинной, а значит, опиралась на истинное положение дел, т. е. на Истину. Для возникшего уже тогда диссидентского «начальства» это было еще страшнее, ибо разрушало сложившиеся мифы о диссидентстве как едином движении, выражающем интересы всего народа России.

Оказалось, что человек может критиковать Родину за те недостатки, которые там есть, но одновременно и искренне любить ее. Все это приводит его и к столкновению с диссидентским «начальством», которое требует определенного стереотипа поведения.

Он с регулярностью в буквальном смысле слова выгоняет из своего немецкого дома псевдодемократов-журналистов, которые пытаются использовать его как идеологического союзника. Но Зиновьев слишком самобытен и самостоятелен, и его не может использовать никто. Именно в этот момент в наибольшей степени становится ясным патриотизм Александра Александровича, связанный с болью и переживанием за судьбы России, русского народа. В результате, оказавшись среди диссидентов после высылки в 1978 г., он стал диссидентом среди них.

И наконец, следующий виток судьбы, в котором автору этих строк вместе с А. А. Гуссейновым и, конечно, Ольгой Мироновой удалось в какой-то мере поучаствовать. Зиновьев возвращается на Родину и приходит в Московский университет на наш факультет. Это удивительно. Я уж не знаю, принес ли кто-нибудь извинения Александру Александровичу в момент его возвращения на Родину со стороны властей. Вряд ли. Да и вряд ли он принял бы такие извинения от власти, ибо всегда дистанцировался от нее. Виктор Антонович Садовничий в мягкой форме попытался это сделать за университет, который когда-то потерял своего профессора. Причем понятно, что уж университет в этом был виноват менее, чем кто-либо. И Александр Александрович мгновенно прореагировал на это словами, что МГУ не сделал ему ничего плохого и он будет счастлив работать в нем.

В связи с этим нельзя не отметить гражданскую позицию ректора, для которого критерием университетского профессора выступают академические заслуги человека в фундаментальной науке, талант преподавателя и преданность университету. Именно по этим критериям А. А. Зиновьев должен был вновь стать профессором МГУ и стал им, несмотря на «предостережения», которые высказывались «доброжелателями».

И в этот период судьба Зиновьева сложилась непросто. Бурные встречи, попытки вовлечь в псевдодемократическое движение в стране. Затем «разочарование» в том, что Зиновьев не такой, как все, что большинство ценностей такой демократии он не признает. Конечно, травле такую фигуру подвергнуть уже невозможно, но мелких наскоков со стороны хватало. А Зиновьев продолжал строить собственный идеальный внутренний мир, рассказывая об этом нам и, наверное, надеясь в душе, что количество людей, его поддерживающих, будет все время возрастать.

И вновь парадокс жизни. Александр Александрович Зиновьев очень не любил, когда его называли диссидентом. Судьба распорядилась иначе. Он был, может быть, одним из немногих настоящих диссидентов в смысле **инакомыслия**. Он не любил действовать как все, поступать как все.

Он выстроил для себя собственную философию и собственное миропонимание, которые он назвал формулой жизни. В ее основе лежала простая мысль — я есть суверенное государство, и никто не вправе и не сможет в него вмешаться. И эту собственную религию он исповедовал до конца жизни.

Александр Александрович мужественно переносил свою болезнь, в том числе и благодаря помощи своей замечательной жены Ольги Мироновны. Я был в гостях у Александра Александровича незадолго до смерти, мы беседовали, пили чай. Ольга Мироновна показывала замечательную картину, которую были вынуждены разрезать, и она в таком виде и висит у них в квартире, разделяя жизнь автора на две половины. Александр Александрович быстро уставал и в какой-то момент попросил извинения, сказал, что должен немного отдохнуть, и ушел в другую комнату. Все это проходило настолько мягко и интеллигентно — человек просто не хотел, чтобы его болезнь и усталость видели другие. Затем тот самый звонок к ректору, с которым мы вместе пришли к Ольге Мироновой почти в час его кончины.

Александр Александрович Зиновьев, как истинный философ, не боялся смерти, понимая, что она неизбежна. Но для него центральной была идея самодостаточности личности перед лицом кого угодно, в том числе и Бога, если таковой есть. Ему была присуща гордость за самого себя как личность, и это состояние задолго до смерти он описал в своей «Предсмертной молитве»:

Сейчас настанет твой конец.
И распадутся жизни звенья.
И неспособен сам Творец
Остановить времен течение.
В лицо Небесному Царю
Скажи такое многократно:
Что жизнь мне дал — благодарю,
Вдвойне — что взял ее обратно.